

УДК 947.085

Антоненко Л.А. (ФГБУ «ВИМС», составитель)

**ОР ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАК — ВЕТЕРАН ВОЙНЫ,
УЧЕНЫЙ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И ПОЭТ**

Статья основана на воспоминаниях Ора Викторovich Щербака — геолога-фронтовика, который принимал участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте. После ее завершения окончил Воронежский университет и более 60 лет проработал в ВИМСе. Ключевые слова: Щербак О.В., ВИМС, Великая Отечественная война.

Antonenko L.A. (VIMS, compiler)

**OR VIKTOROVICH SHCHERBAK — WAR VETERAN,
SCIENTIST, INVENTOR AND POET**

This article based on the memoirs of Or Viktorovich Shcherbak, a front — line geologist who took part in military operations during the Great Patriotic War on the Leningrad front. After completing it, he graduated from Voronezh state University and worked at VIMS for more than 60 years. Key-words: Cherbak O.V., WIMS, Great Patriotic War.

К концу года у нас в ВИМСе выйдет переиздание книги о наших ветеранах войны, трудового фронта и детях войны. Обращает на себя внимание 1925 год — дата рождения большинства наших участников войны, которым к ее началу было по 16–17 лет. Вот и Ору (по-гречески гора) за три дня до войны исполнилось 16 лет.

В 1943 г. он был призван в армию, направлен на учебу в 1-е Томское артиллерийское училище. С января 1944 г. — в действующей армии на Ленинградском фронте в звании младшего лейтенанта, в должности командира огневого взвода. С марта того же года — начальник разведки артдивизиона 835-го артиллерийского полка 285-й стрелковой дивизии. После тяжелого ранения лечился в госпиталях до середины 1945 г. За боевые заслуги награжден орденами «Отечественной войны II ст.», «Красной Звезды», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и рядом юбилейных медалей.

В 1945 г. поступил в Воронежский университет, а после его окончания в 1950 г. пришел в ВИМС, где началась его научная и творческая деятельность, которая продолжалась более 60 лет. Старший научный сотрудник, кандидат технических наук, специалист по

физикохимии процессов рудообразования, автор многих методов и приборов для изучения вещественного состава минерального сырья. Талантливый изобретатель-механик, создатель ряда лабораторных приборов и механизмов, освоенных промышленностью — получил 12 авторских свидетельств. Лауреат Премии Мингео СССР, награжден знаком «Изобретатель СССР». Возглавлял Бюро по рационализации и изобретательству (БРИЗ) и был председателем Спортивного совета института. Кроме военных наград за свою многолетнюю трудовую деятельность был награжден знаком «Отличник разведки недр», отраслевыми наградами и медалью «Ветеран труда». Это был жизнерадостный человек с хорошим чувством юмора, а его великолепные стихи до сих пор вспоминает старшее поколение института.

Щербак О.В.

*Мы помним — сердце не забыло
О тех, кого душой любили.*

*Мы с теми — есть они, иль были,
С кем смерти вёрстами ходили ...*

(«О тех, кого я никогда не забуду»)

Так уж сложилось, что любые воспоминания о Великой Отечественной войне начинаются и кончаются воспоминаниями о людях.

«Со школьных лет мне довелось узнать, как трудно родителям создавать какое-то благополучие в семье, обеспечивать достойную человека жизнь в труднейших условиях 1930-х годов. И с тех же пор в сознании откладывалось все доброе, что делали родители и окружавшие их хорошие, в абсолютном большинстве своем, люди, то, что позволяло воспринимать тогдашнюю жизнь и как интересную, и как достойную, как бы трудна она ни была! Да, надо было «выкладываться», чтобы обеспечить семью, но при этом родители и сами учились, и нас с братом учили, вовлекая не только в семейные дела и заботы, но и знакомя с производством (мы часто бывали в цехах, например, Часов-Ярского огнеупорного завода, такого же завода в г. Семилуки и др.), а иногда и в обсуждении производственных проблем. Оптимизм и целеустремленность отца позволили ему пройти от рядового технического работника до главного механика Каджаранстроя! А до этого были и города Донбасса, затем Часов-Яр, Семилуки, Ленинанкан, Рустави, где нужны были специалисты — энергетики. Вспоминаю о том, что везде, во всех краях страны люди с энтузиазмом трудились на ее, а, значит, и свое благо, справедливо разумея, что только в сильном и богатом государстве каждый отдельно взятый гражданин может быть свободным и

Щербак Ор Викторович
(06.05.1925–17.03.2016)

обеспеченным. Интересы Родины люди пропускали через свою душу, поэтому были патриотами даже тогда, когда их коснулись беды и несправедливость многих актов 1937 и других годов. В конечном счете, гитлеровская команда проиграла во многом и потому, что не учла этот фактор, так же, как и русский характер, и душевную близость всех народов, населявших СССР.

Война напрямую коснулась меня в июле 1941 г., когда смоляне, москвичи и более 5000 добровольцев-комсомольцев из г. Воронеж и районов области рыли противотанковые рвы и окопы под Смоленском, в районе Ярцево, и где 16–17 июля немцы выбросили крупный десант. Ощутили на себе и обстрелы с «мессершмидтов», и бомбежку при выходе к Днепру, а затем во время переправы. А переправлять (это делали те, кто умел плавать и управлять лодкой) пришлось больше половины ребят, которые «забыли» научиться плавать. Пришлось мастерить плоты, а мне довелось перевозить четырежды по три и четыре человека на лодке, благо, я приехал с Дона, где у нас и обычная, и моторная лодки были.

Затем, после переправы, были два разбитых паровоза, в которых нас хотели подвезти раненые солдаты, вывозившие знамя бригады. «Мессеры» расстреливали именно паровозы, пытаясь потом захватить эшелон. Уже тогда немало ребят не вернулись домой. Нашей группе повезло, и через 8 дней мы были дома.

По возвращении — истребительный батальон, а это и огневая подготовка, и сборка на заводе противопехотных мин, и учеба в автотракторной школе. Кто-то сейчас крупно врет, что в школах в то время плохо учили, не прививали трудовых навыков и т.п. Учили! И не только «по предметам», но и в плане профориентации. В том же Часов-Яре, например, как потом и в Семилуках, при школах были ДТС — детские технические станции, в которых работали до 16 различных кружков, а делали там не только зубила и молотки для заводских мастерских, но и ... телевизоры! В 1937 г. телевизор с зеркальной разверткой, собранный А. Пригородовым и В. Корнейчуком, был выставлен в Москве на ВДНХ! Городские школы тоже не были в стороне — в школе № 5 г. Воронеж, куда нам пришлось переехать в 1942 г. в связи с переводом отца на работу в автобронетанковые мастерские, я окончил курсы трактористов-комбайнеров с правом самостоятельной работы на этой технике! Собственно, права получили все ребята-выпускники школ.

Конец июля 1942 г. — сплошные бомбежки Воронежа (было уничтожено 99 % жилой площади!), эва-

куация на попутке под бомбежкой в направлении Москвы (я был принят студентом в МАИ), а от г. Рязань, в связи с отсутствием эвакуационных документов, отправка совсем в другом направлении — в г. Омск. Голодноватая осень (спасала рыбалка), очень холодная и голодная зима. Там снова автомотошкола — единственное место, где предложили карточку служащего с 400 г хлеба, затем Омский автошинный завод. В ноябре-декабре 1942 г. прошел все комиссии для поступления в авиационное училище в составе спецгруппы-100, и вся сотня по приказу Верховного была затем (1 января 1943 г.) направлена в 1-е Томское артиллерийское училище (1-е ТАУ).

Наверное, мне опять повезло. В училище был классный командный состав, о котором бывшие курсанты вспоминали с большой теплотой. Это и блестящий офицер, и душа-человек, комсорг ст. лейтенант А. Пильщиков, и начальник училища полковник В. Харитонов, и отчасти солдафонистый его помощник А. Солодухин и, естественно, наш второй командир взвода лейтенант Владимир Волк, которые не просто учили военным наукам, но готовили нас к фронту. Частенько комвзвода по секрету от начальства, а иногда и с его ведома, вместо строевой подготовки (взвод и так «ходил» на «5»), уводил нас на занятия по артиллерии, тактике, стрельбе, организации артразведки. И даже теперь мне трудно переоценить значимость такой подготовки, позволяющей вести боевые операции, и сохранять жизни бойцов.

Возвращаясь к 1-му ТАУ, хочу отметить, что во взводе учились представители 14 национальностей, и не было ни одного случая, чтобы кто-то кого-то оскорбил или унижил, равно как и не было даже намека на дедовщину. Как командиры, так и курсанты дорожили честью собственной и нашей Красной Армии.

В январе 1944 г. я принял огневой взвод в качестве его командира в районе Гатчины, от которой наши части с боями двигались в Лужском направлении. В середине февраля бои шли в районе г. Псков, затем г. Остров. Я уже был командиром взвода управления дивизиона (2-й дивизион 835 арtpолка 285-й стрелковой дивизии). После передислокации части в район Опочка я был назначен начальником разведки дивизиона. В принципе, шла подготовка к прорыву обороны немцев на Рижском направлении.

Были операции, в которых принимали участие до 3-х дивизий, были и операции местного значения, связанные то с ликвидацией какого-либо клина, врезающегося в нашу полосу обороны, то с захватом господствующей над местностью высоты, то с подавлением дальнобойных артиллерийских батарей противника. Дух захватывали мощнейшие, иногда многочасовые, артподготовки перед началом операции, особенно с участием «катюш».

Но бывало очень тревожно и больно, когда почти на голову падали снаряды немцев или, когда осколки, или комья земли падали на тебя после близких разрывов. Мало удовольствия было, например, когда, бук-

вально ввалившись в немецкий окоп во время артиллерийской дуэли, вдруг вижу падающего здорового немца, из рук которого в мою сторону вывалилась целая колода семейных фотографий. Разглядывать было некогда, но и подняться нельзя, потому что несколько снарядов подряд легли почти рядом с бруствером.

Тяжело доставались отвоеванные километры на этом участке фронта, но не только потому, что немцы заранее хорошо укрепили линию обороны, а из-за плохой подготовки операций.

Кто знает что-либо об артиллерийской разведке, тот скажет, что это и рекогносцировка местности, иногда с выходом на нейтралку или в зону неподвижного заградительного огня, это и обнаружение целей противника, и организация разведслужбы совместно с соседними подразделениями или частями, выбор и пристрелка реперных точек, и ведение огня батареями соответствующих соединений. Но это еще и повышенное внимание противника к разведчикам и «пушкарям» и целенаправленный огонь противника по ним, а отсюда и значительные потери в личном составе и материальной части. Совершенно очевидно, что многие потери можно было бы предотвратить, если бы было обеспечено тщательное проведение разведки, в том числе артиллерийской, и, кстати, если бы была обеспечена нормальная связь между подразделениями (горько сознавать, что мы в войну вступили практически без связи!): все катушки мотали, протягивая проволочную связь, сколько при этом погибло связистов. Хвалились тем, что из Москвы по радио взорвали немецкий штаб в г. Харьков, а Г.К. Жуков, чтобы разыскать штаб Юго-Западного фронта, выезжал к линии фронта!

Я откровенно гордился тем, что во время артналета по немецким позициям на участке нашего полка было уничтожено 97 % огневых точек противника. Рад был хотя бы попыткам дважды присвоить мне внеочередные воинские звания, ибо мои разведчики вместе со мной старались не пропустить ни одной огневой точки немцев, и не только на своем участке. Но мог ли я радоваться, если уже после взятия двух линий обороны немцев, но теперь уже по нашим позициям, опять-таки из-за плохой связи, дважды «проехала катюша»? Мог ли я радоваться, когда из-за перебитого провода кабельной связи нельзя было задействовать хотя бы одну батарею дивизиона против развернувшейся мобильной 105-миллиметровой немецкой батареи, ударившей во фланг танковой группе, которая прорывалась в тыл противника для ликвидации тяжелой гаубичной батареи немцев и склада боеприпасов (из информации комполка). Из 14 машин уцелели только 2 тяжелых танка и 2 самоходки, хотя и им досталось. Связь!!! Но и сейчас она не на высоте, до сих пор или катушки, или импортные системы для легкого прослушивания!

Когда меня спрашивают, что запомнилось особенно, я снова вынужден возвращать внимание собеседника к тем людям, с которыми прошли военные годы и дни. Я не могу не вспомнить командира дивизио-

на, при котором все службы работали как одно целое, кадрового офицера, командира Красной Армии, прошедшего Халхин-Гол, Ленинградскую блокаду и оборону, майора Константинова, раненого под Лугой, комбата-6 ст. лейтенанта В. Клименко, комбата-2 капитана Сорокина и его супругу, военврача В. Бочкову, прошедших через бои под Мгой, Сенявино еще до моего прихода в часть, начальника связи В. Коркина, от анекдотов которого стены блиндажа качались, как от бомбежки, начальника разведки М. Калугина, командиров полка — сначала Героя Советского Союза полковника Б. Глезермана, а затем тоже Героя — майора Сачкова и многих других.

Можно ли забыть, например, тот факт, что по 6-й батарее немцы выпустили более 6000 снарядов, но она не потеряла до прорыва обороны на Рижском направлении ни одного человека убитым! Загадка? Нет, просто комбат тщательно выбирал и готовил позицию для батареи, чуть в стороне, от которой обязательно отрывались щели для артиллеристов, а иногда батарея развертывалась на специальных плотках на болотах и участках, отмеченных на картах как абсолютно не пригодные для артиллерийских позиций. Можно ли забыть «операции местного назначения» в районе р. Сорочь и Пушкинских гор? Три месяца почти 3 дивизии попеременно пытались овладеть «Чертовой горой», господствовавшей над местностью и позволявшей немцам заглядывать к нам далеко в тыл. Однажды даже немцы переполошились и через выносные рупоры начали кричать: «Рус, берегись, на ваш участок приехала банда Рокоссовского!» Рокоссовский действительно приехал на командный пункт и ознакомился с обстановкой. Затем подтянулся один батальон, три дня ушло на подготовку позиций и маскировку их на нейтральной полосе, а еще через день за час-полтора до рассвета на эти позиции мы пропустили штурмовой батальон. С рассветом был проведен короткий, всего на полчаса, артналет с последовавшим последующим переносом огня в тыл немецким позициям. Идя за огненным валом, штурмовой батальон занял не только все линии обороны немцев, но и в расположенных за ними населенных пунктах. Потери убитыми и ранеными составили 14 человек. А до этого загубили бессмысленно тьму людей. Опять-таки, успех предопределила разумно подготовленная операция при четко действовавшей связи между подразделениями. В этом и талант военачальников, и высокая воинская ответственность бойцов и командиров действовавших подразделений.

Чего еще нельзя забыть? Ну, например, того, что на нашем участке против нас почти все время оказывались, помимо немцев и румын, власовцы!

Конечно же, трудно забыть не только пятачок суши на болоте размером-то всего 200×100 м, но почти с десятком наблюдательных пунктов — и пехоты, и артиллерии, и минометчиков. Метров на 15 он поднимался над местностью и позволял «далеко смотреть». Немцам это не понравилось, и они решили его снести — иначе это не назовешь, поскольку в сопрово-

ждении артналета по нему в три захода прошлись 27 «юнкерсов» — и 87-х, и 88-х. Когда все кончилось, островок представлял собой лунную поверхность; больше десятка воронок были с двойным и тройным попаданием бомб, глубина их достигала 10–12 м. Но бомбы легли в основном посередине островка, поэтому разрушили лишь один блиндаж, накрыв полковых разведчиков, и пролетели мимо той воронки, в которой довелось мне отлеживаться и от нечего делать считать те самые самолеты и определять, далеко ли от меня падает очередной подарочек с неба. Но почему-то очень верилось, что пронесет, ибо «есть у нас еще дома дела!»

С этой же мыслью я ушел и от немецкого снайпера, промазавшего, правда, при первом выстреле. Потом было еще восемь, но я уже знал, что мне надо его обдурить, и это удалось, хотя до укрытия было около 400 м. Памятен и выход в зону неподвижного заградительного огня немцев — единственная позиция, с которой можно было засечь тяжелую гаубичную батарею немцев. Удалось, батарея затем была уничтожена, но для меня выход закончился достаточно серьезным ранением. Тем не менее с такими ранениями командиры в госпиталь не ложились. Чуть позже в одной из разведопераций досталось еще раз — больше трех недель пришлось ходить с костылем и палкой, а вот радиста мы потеряли. А можно ли забыть, что только опыт, позволявший по звуку определять направление полета снарядов или даже мин из «скрипухи» (немецкий реактивный шестиствольный миномет), дал возможность вовремя убраться в укрытие, а однажды уйти (быстренько) с наблюдательного пункта. Чуть задержись, — «ага» — накрыли бы точно!

Не забудутся, конечно, и переход через минное поле под артобстрелом, и посекудно рассчитанные броски через мост под огнем «колдуна» — тяжелого пулемета, простреливавшего мост почти все сумеречное время, и блиндаж со змеями, и напичканный прыгающими минами немецкий окоп на реке Сороть, куда успел не пустить солдат и своих артиллеристов, отведенных на отдых после прорыва той самой обороны на Рижском направлении. Не забывается и многое другое — и более, и менее значимое. А в общем, за это время меня дважды «хоронили», считая, что после мощнейших обстрелов участков, где находилась разведка, выжить было невозможно, как и добраться до них, чтобы помочь тем, кто еще жив. Самим же нам выбраться из пекла удавалось не сразу.

После кратковременного отдыха 119-й корпус в составе 67-й армии снова вступил в бои на том же направлении, участвовал во взятии Риги, затем был передислоцирован на Западный фронт, а 67-я армия отправилась на Восток. Корпус дошел до Берлина, ребята из нашего полка расписались на рейхстаге, в их числе были и мои разведчики, и артиллеристы.

Меня же накрыло бомбежкой в Латгалии, в районе Абрене — на переправе, но даже не потому, что там образовался затор, а потому, что явно не соответствовавший своей должности командир дивизиона, самодур, не разрешил отвести в укрытие людей и технику, хотя рядом были окопы от бывшей оборонительной линии немцев. Трижды подряд он отдавал приказ «отдыхать в колонне», а это и привело к тому, что, выслушав последний приказ, я только успел поднять голову, среагировав на звук мессершмидта-109. А всего их было семь. Погиб мой связной, погибли несколько стоявших рядом минометчиков — их командиры вместе с моим что-то весело обсуждали перед бомбежкой, были ранены несколько артиллеристов, в том числе 8 из комсостава, разбиты орудия и зарядные ящики; из двух пристяжных кровища свистала на полтора-два метра. Погиб связной А. Крашенинников, 18 с половиной лет от роду, красавец-парень, исполнительный и добрый, в разведке — моя тень. Мне достались три осколка, с одним из которых я живу и сейчас, а на его долю пришлось, видимо, вдесятеро больше.

А в госпитале в г. Луга мне довелось встретиться не только с одним из выпускников 1-го ТАУ, и именно из нашего взвода, лейтенантом А. Лячиным (еще не видя друг друга, узнали по голосам), но и с моим помощником по дивизионной разведке, командиром отделения разведки, кажется, М. Шумовым. Тот же командир дивизиона приказал им без соответствующего оборудования наблюдательного пункта вести разведку позиций немцев с церковной колокольни. Достаточно было неосторожно повернуть стереотрубу или бинокль и сверкнуть стеклом (а все колокольни есть на картах, и они обычно пристреляны как ориентиры) и... еще 12 человек были сметены вместе с колокольней! Опять мы вынуждены говорить об уровне компетентности командира, как, впрочем, и любого начальника.

Конечно же, мне не забыть и тех людей, которые лечили меня в 6 госпиталях, которые многим и многим таким, как я, сохранили ноги, руки, жизнь, которые отдавали душу другим, а в целом вместе с другими тружениками фронта и тыла честно делали свое дело ради блага, ради становления нашей великой тогда Родины — СССР».

Никому из нас не забыть тех, с кем вместе мы шли дорогами войны! Надо, чтобы их помнили и после нас. В заключение хочется сказать только одно:

*Не обойден пусть будет славой
Солдат, вернувшийся живым,
И тот, кто мог стать ветераном,
Но будет вечно молодым.*

(1998 г.)

Антоненко Людмила Александровна // antonenkol@yandex.ru